

ИСТОРИЯ

УДК 94(47).065–066

DOI: 10.22162/2500-1523-2020-4-735-751

«Реэстр зюнгорскому ружью», или Вопрос о джунгарском пополнении Ставропольского корпуса крещеных калмыков в политике государства (конец 50 – начало 60-х гг. XVIII в.)

*Андрей Сергеевич Ряжев*¹

¹ Калмыцкий научный центр Российской академии наук (д. 8, ул. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)

кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник

 0000-0002-2626-6953. E-mail: ryazhevas@kigiran.com

© КалмНЦ РАН, 2020

© Ряжев А. С., 2020

Аннотация. *Введение.* Статья посвящена вероисповедной политике, оказавшей влияние на судьбы этноконфессиональных служилых сословных групп юго-востока Российской империи в раннее Новое время. Впервые в историографии изучены перевод из Сибири в Поволжье ойратов — беженцев из Джунгарии («зюнгорцев»), принявших крещение, и включение их в состав Ставропольского калмыцкого войска. *Материалы и методы.* Исследование основано на документах центральных и местных учреждений, отразивших их позицию относительно как джунгарских выходцев, так и иррегулярных формирований крещеных калмыков на степной границе государства в целом. Научный инструментарий работы охватил методы источниковедения и археологии, позволившие провести систематический анализ источников и вскрыть их связи, характеризующие направления российской политики в джунгарском вопросе. *Результаты исследования.* Установлены причины, внешние и внутренние, побудившие власти пойти на зачисление джунгар в Ставропольское калмыцкое войско, именно необходимость его укрепления как пограничной военно-полицейской силы и снятия конфликтов с Цинами из-за подданных в Южной Сибири. Прослежены размещение и обустройство новоселов на свободных землях Ставропольского войска. Воссоздана также судьба лидера пришедших на Волгу джунгар, которым был нойон Норбо Данжин, родственник Амурсаны, после крещения — полковник, ставропольский войсковой судья, консультант Коллегии Иностранных дел. В порядке дискуссии частный сюжет о джунгарском пополнении в Ставрополе-на-Волге очерчен историографически, выделена его корреляция с состоянием литературы о контактах России, Цинов, кочевников (джунгар, казахов). *Заключение.* Автор констатирует, что гибель Джунгарского ханства означала громадный геополитический сдвиг, вынудивший Россию перестроить внешнюю политику на степных юго-восточных окраинах и нарастить ее военную составляющую, по причине чего джунгарский строевой резерв Ставропольского корпуса и подтвердил свою востребованность.

Ключевые слова: Российская империя, раннее Новое время, степные юго-восточные окраины, этноконфессиональные группы (сословия), крещеные калмыки, Ставропольское калмыцкое войско (корпус), вероисповедная политика, внешняя политика, кочевники, джунгары («зюнгорцы»), казахи

Благодарность. Исследование проведено в рамках государственной субсидии — проект «Комплексное исследование процессов общественно-политического и культурного развития народов Юга России» (номер госрегистрации: АААА-А19-119011490038-5).
Для цитирования: Рязhev А. С. «Резстр зюнгорскому ружью», или Вопрос о джунгарском пополнении Ставропольского корпуса крещеных калмыков в политике государства (конец 50 – начало 60-х гг. XVIII в.) // Монголоведение. 2020. Т. 12. № 4. С. 735–751. DOI: 10.22162/2500-1523-2020-4-735-751

UDC 94(47).065–066

DOI: 10.22162/2500-1523-2020-4-735-751

‘Register of Dzungar Rifles’: or the Question of New Dzungar Recruits for the Stavropol Corps of Kalmyk Christians in State Policy, Late 1750s – Early 1760s

Andrey S. Ryzhev¹

¹ Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilishkin St., Elista 358000, Russian Federation)
 Cand. Sc. (History), Leading Research Associate

 0000-0002-2626-6953. E-mail: ryazhevas@kigiran.com

© KalmSC RAS, 2020

© Ryzhev A. S., 2020

Abstract. Introduction. The article deals with religious policies that influenced ethnoconfessional military communities in the southeast of the Russian Empire during early modern period. The work provides a first attempt to examine the resettlement of Dzungar Oirat refugees (Russ. *zengortsy*) from Siberia to the Volga territories and their integration into the Stavropol Kalmyk Host. **Materials and Methods.** The study analyzes documents of central and local institutions that specify the latter’s attitudes towards both Dzungar arrivals and, at large, irregular units of Kalmyk Christians in steppe border areas. A number of applied techniques inherent to source studies and archaeography made it possible to gain a comprehensive insight into the research materials and reveal certain ties that characterize trends of Russian policies towards the Dzungar question. **Results.** Clarification of the internal and external reasons to have forced the authorities to conscript Dzungars into the Stavropol Kalmyk Host, i. e. the need to strengthen the latter as a border military-and-police force right after the conflict with the Qing over South Siberian subjects was settled is provided. The paper shows the distribution and infrastructure development of the arrivals across unoccupied lands of the Stavropol Host. Special attention is paid to the biography of Noyon Norbo Danjin, a relative of Amursana who lead Dzungars to the Volga to become a Christian colonel, military judge, and advisor to the Collegium of Foreign Affairs. In terms of discussion, the work outlines the Dzungar conscription in Stavropol-on-Volga historiographically, delineates its correlation to the situation with available sources on contacts between Russia, Qing China, and nomads (Dzungars, Kazakhs). **Conclusions.** The paper acknowledges the collapse of the Dzungar Khanate proved an enormous geopolitical shift that forced Russia to restructure its external policies across southeastern

steppe peripheries and develop its military strength, which brought Dzungar reserve units of the Stavropol Host in significant demand.

Keywords: Russian Empire, early modern history, steppe southeastern borders, ethnoreligious groups, Kalmyk Christians, Stavropol Kalmyk Host (Corps), religious policy, foreign policy, nomads, Dzungars, Kazakhs

Acknowledgements. The reported study was funded by government subsidy — project name ‘Socio-Political and Cultural Development of South Russia’s Peoples: Comprehensive Studies in Respective Processes’ (state reg. no. AAAA-A19-119011490038-5).

For citation: Ryazhev A. S. ‘Register of Dzungar Rifles’: or the Question of New Dzungar Recruits for the Stavropol Corps of Kalmyk Christians in State Policy, Late 1750s – Early 1760s. *Mongolian Studies (Elista)*. 2020. Vol. 12. No. 4. Pp. 735–751. (In Russ.). DOI: 10.22162/2500-1523-2020-4-735-751

Введение

Вероисповедная политика российской монархии — актуальный вопрос историографии политической истории раннего Нового времени. Важным его аспектом в истекшее десятилетие выступала история этноконфессиональных служилых групп и сословий. Одним из крупнейших подобных сословий было Ставропольское калмыцкое войско. Образованное в 1737 г., оно размещалось близ крепости Ставрополь-на-Волге, подчиненной Оренбургской губернии. С 1745 г., после введения губернатором И. И. Неплюевым постоянного штата, войско стало именоваться Ставропольским корпусом. Его создание в свое время инициировал Баксадай Доржи, внук могущественного калмыцкого властителя Аюки-хана, перешедший в православие в 1724 г. и получивший новые имя и титул — князь П. П. Тайшин. Но во главе ставропольских крещеных калмыков в итоге встал не он, а его вдова Церен Янжи, внучка джунгарского Очирту-Цэцэн-хана, после крещения — княгиня А. А. Тайшина. После ее смерти в 1742 г. и в соответствии со штатной реформой начальствование над войском окончательно принял комендант Ставропольской крепости. При нем в качестве совещательного органа функционировал войсковой суд — аналог калмыцкого Зарго, состоявший из знатных и влиятельных представителей войска.

Коменданта и старших офицеров из состава суда заботило комплектование и состояние войска. Источники комплектования находили, как и для всех иррегулярных частей, из недавних христиан, в неофитах — в нашем случае калмыках ханских и донских, и естественном воспроизводстве. Падение Джунгарского ханства выявило еще один резерв — тамошних ойратов. Их прием на службу приобрел в изучаемое время вес для властей и оказал влияние на судьбы ставропольского воинства в целом.

Материалы и методы

Материалы по затронутому сюжету присутствуют в источниках официального происхождения — документах и законодательстве. Документы охватывают указы Коллегии Иностранных дел, Сената об обстановке на юго-востоке России в годы крушения Джунгарского ханства, прежде всего, на Оренбургской линии, и боеготовности иррегулярных крещеных калмыков. В них Ставропольский корпус отмечен как эффективная военно-полицейская сила. В массив доку-

ментов также входят делопроизводство и переписка временных и постоянных органов управления Оренбургской губернией (губернской канцелярии, походной канцелярии И. И. Неплюева) и должностных лиц (губернаторы, советники, командиры) со звеньями управления. Бумаги раскрывают состояние штатов Ставропольского войска, борьбу с побегами в Калмыцкое ханство и отлучками военнслужащих калмыков с начала 1750-х гг., прием в войско в 1757–1758 гг. выходцев из Джунгарского ханства — представителей аристократии и просто-народья [Волжские 2011: 183–189, 220–232, 234–240]. Ряд материалов Коллегии Иностранных дел и Сената характеризует реакцию на перевод джунгар на Волгу на местах [Русско-джунгарские отношения 2006: 186–188, 189–195, 221, 222, 224, 239–243]. В совокупности документы дают представление о политико-дипломатическом курсе государства в годы гибели Джунгарского ханства — крупнейшего кризиса раннего Нового времени в Центральной Азии, и в этом плане их значение трудно переоценить.

Опубликованные законодательные источники (ПСЗ) освещают прибытие в Ставрополь-на-Волге и Оренбург новых контингентов крещеных калмыков.

Необходимо подчеркнуть: очерченная база источников вполне репрезентативна для понимания не только места крещеных калмыков в российской политике 1750–1760-х гг., но и системы мер в отношении всей Великой степи.

Инструментарий исследования охватил методы анализа источников и обобщения полученных данных, способствовавшие повышению информативности документов и установлению смысловых и содержательных связей между ними. Для обобщения информации применен проблемно-хронологический метод. На его основе прослежены процесс и итоги приема джунгар в строевой состав Ставропольского корпуса.

Джунгарское пополнение Ставропольского корпуса: политико-дипломатические аспекты

Требуется, прежде всего, обозначить причины, которыми руководствовались военно-гражданские власти, принимая решение о вводе джунгар в корпус. Следует также выяснить, как развивался процесс его пополнения новыми людьми на практике и какие итоги имели здесь место.

Калмыцкий корпус в военно-политической системе юго-востока России (конец 1730-х – 1750-е гг.). Рассмотрим причины принимавшихся властями мер. Ставропольское войско с момента создания было призвано выполнять ответственную задачу — защищать разрыв между Новой Закамской и Оренбургской линиями и действовать совместно с Яицким войском и оренбургскими казаками. К 1754 г. численность войска преодолела показатель в 8 тыс. чел., что делало его не только одним из крупнейших калмыцких формирований вне ханства, но и серьезной силой, мало уступавшей по количеству сабель другим иррегулярным соединениям в системе пограничной обороны российского юго-востока. Для сравнения: штат гарнизонных и ландмилицких полков Самарской линии (от Самары до Оренбурга) в 1744 г. не превышал тех же 8 тыс. чел., а Оренбургского нерегулярного корпуса в середине XVIII в. — 6 тыс. чел. [Кузнецов 2009: 38; Калмыки 2010: 52; Картунов, Фокин 2012: 28].

Контроль состояния корпуса в Ставрополе был насущной заботой губернско-го начальства. С 1755 г. Джунгарское ханство оказалось под ударами Цинов, и его подданные — алтайцы и ойраты в поисках укрытия стали появляться в пределах России. 27 января 1756 г. вышел указ Коллегии Иностранных дел губернаторам — оренбургскому И. И. Неплюеву и сибирскому В. А. Мятлеву о приеме беженцев в подданство. Их предполагалось увести как можно дальше от театра военных действий: «А при том как с китайской, так и с зенгорской стороны прием их в здешнюю сторону столько чувствителен быть не может, нежели когда б они в близости от них находились», — говорилось в коллежском указе [Русско-джунгарские отношения 2006: 194]. Губернатор сообщал в ордере, направленном в июле 1757 г. Б. Останкову, ставропольскому коменданту, о поручении свыше: «... те вышедшие и впредь тайком выходящие зюнгорцы по особливому е. и. в. указу во особливую дирекцию поручены мне, почему от меня надлежащее об них учреждение учинено будет впредь...» [Волжские 2011: 221]. Прием имел условие — переселение в Калмыцкое ханство, но И. И. Неплюев вынашивал свой подход: сановник не желал упустить возможность пополнить ряды строевых военнослужащих Ставропольского корпуса, а посему его «учреждение» предусматривало включение «пришельцев» именно в их число.

Ряд обстоятельств заставлял И. И. Неплюева поступать именно так. Во-первых, сказывалась проблема бегства. Со времени основания хозяйственное положение войска улучшалось: если в конце 1730-х гг. среди пришельцев из Калмыцкой степи и донских улусов здесь преобладали бедняки, не владевшие скотом, то через двадцать лет в ставропольских ротах «бескотных» военнослужащих не обреталось вовсе (новопришлые джунгары не в счет). В итоге наметился отток калмыков, несмотря на крещение, в родные кочевья; начальство же, как демонстрируют документы 1750-х гг., столкнулось с необходимостью ставить этому препону [Волжские 2011: 184, 186–189].

Во-вторых, на количество ставропольцев негативно влияли их переводы на постоянную службу в Оренбург. Б. Останков в рапорте от 5 июля 1757 г. на имя И. И. Неплюева отмечал известную пустоту ротных поселений войска, наметившуюся после ухода контингента. В частности, он упоминал выбранную для поселения джунгар Преображенскую слободу, «из которой в прошедшем 1756 году к соединению в Оренбургской нерегулярной корпус переведено немалое число семей, после которых земли и луга свободные имеются» [Волжские 2011: 225, 226].

Отсутствие в корпусе числа людей, требуемого для выполнения текущих служебных задач, к тому времени не однажды давало себя знать. С 1740-х гг. утвердился порядок ежегодных посылок на границу набираемого в войске двухсотенного отряда. Опыт получался неудачным: комплектование и выезд всегда шли трудно, с задержкой. Дабы устранить проблему, надлежало нарастить мобильный и зажиточный сегмент войска: в нем был залог надежной служебной ротации и снятия с калмыков «двухсотенного набора» как социального бремени, или, как выразительно говорилось об этом в докладе Сената от 20 января 1765 г. о состоянии ставропольских и оренбургских калмыков, «в чем могут они изворот иметь, а служба в исправности быть» [ПСЗ 1830, Т. 17: 14]. Подобные соображения и побуждали И. И. Неплюева к действию в 1750-е гг.

Джунгарский резерв: стратегия и тактика губернатора И. И. Неплюева.

И. И. Неплюев считал находкой для себя лидеров пришедшей в Россию летом 1757 г. группы джунгар [Русско-джунгарские отношения 2006: 221, 222], о чем он информировал и ставропольского коменданта. «...Здесь сверх оных отправленных, — сообщал губернатор ордером, — и нойон, то есть настоящей и знатной владелец, именовавшийся по-калмыцки Норбо Данжин Бинбин, а по крещении Дмитрий Яковлев, да знатной зайсанг, из зенгорского ж ханства вышедший и нойонский [приближенный] также и по крове [из знатных] свойственник Андрей Карлов имеется...» [Волжские 2011: 221, 222].

Поскольку оба нойона перешли в православие и изъявили желание жить и служить среди соплеменников в Ставрополе-на-Волге, сановник рассчитывал, что их пример привлечет в корпус и знать более мелкого калибра, и рядовых. Соответственно, в ордере фигурирует следующее: «...но понеже сюда ново-подданные некрещеные зюнгорцы к соединению с вол[ж]скими некрещеными калмыками в немалом числе из Сибири ожидают, того ради оной нойон и свойственник нойонской, как уже крещеные, ибо они люди знатные, в надежде той, что не могут ли они и ис тех сюда ожидаемых некрещеных зюнгорцов еще некоторых ко святому крещению приохотить, до прибытия их здесь» удержаны, «чего ради по прозбе их и прибывшей с ним, нойоном, зайсангской сын, называющейся по калмыцки Элзятя Церен Даншин, а по крещении Федор Сергеев и з говоренною им за себя здесь ис прибывших напоследок ис Тары, зайсангскою женою, а при Андрее Карлове ис прибывших с ним же два зайсанга с их женами нойонския тетка и сноха с ее сыном, да ево, Карлова, тетка ж, и нойонских холопей, и протчих рядовых калмык 33 человека при обоих при них оставлены з дачею кормовых денег, как же те новоподданные некрещеные зюнгорцы сюда придут, тогда и они, нойон с товарищи, и с теми, которых они из них, зюнгорцов, ко святому крещению склонить могут, в Ставрополь отправятся...» [Волжские 2011: 221, 222].

Для укрепления боевых кондиций Ставропольского корпуса приход джунгар имел вполне определенный смысл. Стоит обратить внимание на указ Иностранной коллегии от 16 декабря 1749 г.: документ, на первый взгляд, служащий лишь обличением неповоротливости государственной машины, помогает его уяснить. В ходе подготовки двухсотенного набора власти установили, что и по окончании первого десятилетия (наиболее сложного в хозяйственном плане) существования войска имущественное положение многих рядовых военнослужащих оставляло желать лучшего. Как следствие, далеко не все они имели личное огнестрельное оружие, и это затрудняло ротацию состава отряда. Поэтому И. И. Неплюев распорядился «тех крещеных калмык, которые в числе двухсот человек наряжены в поход и огненного ружья не имеют, снабдить покупным ружьем на казенные деньги» [Волжские 2011: 178]. В московской же конторе Иностранной коллегии обнаружили по случаю, что в ней хранится «довольное число ружей и стволов, отобранных от зенгорских посланцов, которые через многие годы ржавеют...» [Волжские 2011: 178]. Через Москву в 1720–1730-е гг. проходили посольства джунгар, во главе которых стояли тайши Борокурган, Боджир, Доржа, Зундуй-Замсо, и речь, надо думать, шла об оружии, изъятом именно тогда. Теперь же ради экономии казенных средств его решили отправить в Оренбург, дабы

«оные разобрать и годные ис того раздать безденежно тем крещеным калмыкам, которые ружья не имеют, а оставшее употребить во что пригодится». Насколько повысили бы огневую мощь пограничных отрядов оружейные стволы, десятилетиями не получавшие ухода, — вопрос открытый. Примечательна, однако, номенклатура: «реэстр отобранному у зенгорских посланцов в разных годах ружью» включает в себя «стволов ружейных... девяносто», далее, «пищалей, винтовок, фузей и турок в ложах двадцать девять» и, наконец, «четыре пистолета и два ствола пистолетных» [Волжские 2011: 178]. Джунгары, таким образом, знали и европейские, и азиатские виды ручного огнестрельного оружия, гладкоствольного и нарезного, и отнюдь не архаичного: фузея для тех лет — вещь вполне современная. Отсюда понятно, что в лице джунгар Ставропольский корпус приобретал воинов, не только привычных к полю, но и освоивших длинно- и короткоствольное оружие, сведущих в тактических схемах его применения в боевых порядках легкой кавалерии как рода войск.

Норбо Данжина и его родственников — вербовщиков джунгар губернатор прочил на первые роли в войске. В ордере коменданту об этом говорится: «... и найону, також и нойонскому свойственнику Андрею Карлову по состоянию каждого войсковые чины назначены и определены будут, а протчих тако под команду их особливо в одну, а ежели их умножится, чего и желательно, то на основании вышеуказанного присланного ко мне ис Правительствующаго Сената е. и. в. указа и две роты учредить рассуждено..., причем тогда и о снабдении их ко обзаваживанию надлежащее определение учинено быть имеет...» [Волжские 2011: 222].

Значение персон и их моральный авторитет в кругу соплеменников губернатор вполне осознавал и отдавал этому должное — его отношение к пришельцам отличалось предупредительностью. Свидетельство находим, в частности, в указе Иностранной коллегии от 17 сентября 1758 г., где упомянуто об отправке Норбо Данжина и его людей из Санкт-Петербурга в Ставрополь. Ранее нойона затребовали в Коллегию для консультаций по джунгарским делам, по завершении которых его намеревались с почетом отослать к избранному месту службы «при отправленных с ними Оренбургской губернии из города Ставрополя переводчике Афанасье Шорине, да за толмача ставропольском калмыке Якове Хатанове» [Волжские 2011: 231, 232].

Другими словами, по распоряжению И. И. Неплюева, почетных гостей из Оренбурга в столицу сопровождали и находились при них неотлучно не один лишь необходимый в быту толмач, но и специальный переводчик. Личность переводчика заслуживает упоминания — А. И. Шорин, сын видного ставропольского зайсанга, человек с солидной родословной и по отцовской, и по материнской линии, бывший сотрудник Коллегии Иностранных дел, обладатель служебных компетенций на уровне среднего чиновника по Табели о рангах. Обретавшийся тогда при Ставропольской канцелярии, он соответствовал должному уровню представительства, посему по прибытии Норбо Данжина с сопровождением в Оренбург и был туда затребован. «Для вышеписанных ставших здесь [джунгар] благоволите находящагося при Вас за переводчика и толмача Шору первую почтою сюда прислать, дав от себя ему особливых к тем [гостям] писем», — предписал тогда губернатор Б. Останкову [Волжские 2011:

223, 224]. На такой же предупредительности И. И. Неплюев настаивал применительно к новоселам и на месте: «...рекомендую отправленных прежде к тем зайсангам и калмыкам доброжелательной вид показывать и по самой справедливости христианской благосклонным и почтительным к ним быть... а и когда и легкомыслие их [нарушение российских порядков. — *А. Р.*], яко новых людей [вдруг проявится], с ласкою...» и терпимо поправлять, — наставлял сановник коменданта [Волжские 2011: 223, 224].

Статус пришлых аристократов И. И. Неплюев хотел закрепить путем создания для них офицерских вакансий в корпусе, благо пополнение свежим личным составом позволяло осуществить намерение. В ордере Б. Останкову находим: в войске на основе прибывающего контингента будут созданы две новые роты, «дабы и зайсангов всех в ротные чины по состоянию каждого з жалованьем поместить можно было... ибо они люди знатные» [Волжские 2011: 222].

Губернатор, продвигавший Норбо Данжина, встретил понимание дипломатического ведомства. В указе Коллегии Иностранных дел от 17 сентября 1758 г. оно выражено недвусмысленно: «... зенгорский владелец Норбо Данжин, а по святом крещении Дмитрий Яковлев... каково об нем подано Правительствующему Сенату 6 июля сего 1758 года доношение, о определении его по Ставропольскому статуту на место в полковники произведенного Павла Торгоутского в войсковые судьи, и на то получен указ от 23-го того ж месяца...» [Волжские 2011: 230].

Между тем крещеный нойон в Ставрополь в 1758 г. не приехал. В июльском указе Коллегии Иностранных дел значится, что «...он и бывшей при нем зенгорский зайсанг Улумжи, а по святом крещении Степан Дмитриев, также и другие зенгорцы... призван был сюда для получения от него известия о последних зенгорских обстоятельствах и об оставших зенгорских владельцах для принятия в рассуждении сего народа каких-либо к здешней пользе служащих мер...» [Волжские 2011: 230]. Норбо Данжин, человек знатный и сведущий, выступил полезным информатором: «...от него здесь известие о том получено и по его объявлению зенгорским разных родов владельцам родословии учинены...», — отмечено также в указе [Волжские 2011: 230].

Сведения Норбо Данжина ранее публиковались без точной даты [Русско-джунгарские отношения 2006: 239–243]. В свете цитируемых источников понятно, что они были даны между 23 июля и 17 сентября 1758 г. [Волжские 2011: 229–231]. В известный момент нойон исчерпал знания обстановки, и в коллегии создалось впечатление, что он более не будет востребован: «токмо что касается до того полученного от него известия, из него не больше о последних зенгорских обстоятельствах видно, как что пред отлучением своим в здешнюю сторону слышел <...> И понеже здесь чаятельно, что о всех последних обстоятельствах зенгорскаго народа, особливо о том, есть ли еще из сего китайцами разореннаго народа такие, которые б власти китайской не подверглись и в таких местах находились, чтоб китайцы из призыву их в здешнюю сторону основательной претензии делать не могли... точнейшее известие получить будет можно от пришедших ныне в подданство е. и. в.». [Волжские 2011: 230].

Как следствие, Норбо Данжина «с четырьмя оного нойона служителями зенгорцами ж» решили наградить и отправить в Ставрополь. По коллежскому указу

от 17 сентября 1758 г. ему полагались выдачи деньгами и вещами: «...в прочем же при отправлении ныне отсюда сего нойона Дмитрия Норбо Данжина и находящихся при нем зенгорцов в показание к ним Высочайшей е. и. в. милости в рассуждении самопроизвольного их в подданство е. и. в. вступления и принятия святого крещения дать в награждение ему, нойону, двести рублей, зайсангу Улумжи, а по крещении Степану Дмитриеву, сто, находящимся при них служителям из зенгорцов четверем человекам по тридцати рублей каждому. А сверх того дать же им и на платье, а имянно нойону на кафтан сукна пять аршин, на полукафтанье золотной или серебряной парчи двенадцать аршин [ценою] от семи рублей аршин, зайсангу сукна то ж число аршин до трех рублей аршин и на полукафтанье штофу двенадцать аршин до четырех рублей аршин, а четверем при них находящимся служителям на кафтаны каждому по пяти ж аршин сукна от двух рублей с половиной и на полукафтанье из голей... а оному зенгорскому нойону с товарищи помянутое награждение учинено будет, и они отсюда отправятся вскоре» с выплатой кормовых денег на дорогу. Нойону и знати выделялось по 25 коп. в день, прочим меньше в соответствии с рангом (например, А. И. Шорину шло пять копеек) [Волжские 2011: 231, 232].

Однако осень 1758 г. обернулась острым кризисом в русско-цинских отношениях, и нойон, хотя и не владевший оперативной информацией, но ориентировавшийся в центральноазиатской политической конъюнктуре, к тому же обладавший престижем в глазах других информаторов-ойратов, был оставлен при Коллегии. В итоге он так и не прибыл к месту службы, скончавшись в северной столице от непривычных климата и пищи.

Обустройство джунгарского пополнения. Размещение на территории Ставропольского войска рядовых джунгар началось летом 1757 г. В цитированном ордере губернатора речь идет о приходе сравнительно небольшой группы джунгарских новоселов — «вышедших в подданство е. и. в. двух зайсангов с женами и рядовых калмык мужеска [и] женска полу 128...» [Волжские 2011: 223], проделавших путь из Сибири в Оренбург и направляемых на Волгу. Их надлежало определить на места, что губернатор и предписывал коменданту: «... того ради... благоволите между тем ко всегдашнему всех их при Ставрополе с прочими пребыванию и обзаведению где для них удовольственнее быть может, место примышлять..., а к зимнему времени тем знатным в Ставрополе и квартиры приуготовить наиприлежнейше...» [Волжские 2011: 223].

Из документа понятно, что это не первая группа выходцев, следовавшая своим ходом в расположение Ставропольского корпуса, ибо полковнику поручались меры и в отношении тех, кто явился раньше: «... и того ради между тем... благоволите вышеписанных ныне отправленных калмык... так же, как и прежде сего... посланных, разделить в улусы к прочим тамо находящимся ставропольским крещеным калмыкам, а что касается до показанных зайсангов, то где лучше, то есть в самом ли Ставрополе, или тамо где в улусах пристанище им дать, то сие по особливому Вашему рассмотрению учинить, дабы каждой из них вспоможением тамошних калмык к зиме хотя необходимо нужное для пребывания своего запаста мог...» [Волжские 2011: 221].

Губернатор четко формулировал ближайшую политическую цель предписанных коменданту действий: «...дабы они с лучшим пред некрещеными удовольствием быть и чрез то не толико сами Высочайшую е. и. в. милость

чувствовать, но и протчия ожидаемая сюда некрещенные калмыки видя и слыша, отменное как здесь оставленных, так и к Вам отправленных, призрение и довольствие, ко святому крещению склоняться могли, и тако бы Ставропольской корпус в лутчую Высочайших е. и. в. интересов пользу более умножиться мог» [Волжские 2011: 223].

Выплаты пришельцам должны были пойти, по мысли губернатора, из средств на содержание войска. «...К содержанию их ис положенной на то суммы снабдением их не оставлять, а зайсангам и дачу кормовых денег также продолжить..., всячески Вашему Высокородию рекомандую всех их, зюнгор вышедших и к Вам отосланных, и впредь отсылаемых калмык по вышеписанным резонам наградить...», — отмечал сановник [Волжские 2011: 223, 224]. При этом он желал от коменданта результативных мер по хозяйственному обустройству новоселов, позволявших включить их в службу в короткий срок: «наградить что да кого, и сюда [чтобы] дошло, что они довольны..., что ж им произвождимо будет, лично Вам рассудится ко обзавоживанию их делать и дать, и что и в каком чину имянно, о том Вашего известия ожидать буду... Потребно мне и то ведать, какие награждения сначала и после приходящим на житье в Ставрополе новокрещеным волжским калмыкам, и как на содержание их, так и на обзавождавание чинены, ибо, уповательно, тамо многие также, как и те, все скудны и досадны приходили...» [Волжские 2011: 223, 224].

Рапорт коменданта Б. Останкова от 5 июля 1757 г. извещал администратора, прежде всего, об устройстве указанной группы из 128 чел.: «И по силе оного Вашего высокопревосходительства ордира из вышеозначенных ныне сюда отправленных зюнгорских калмык к пребыванию с ставропольскими крещеными калмыками в улусы мною назначены, и по прибытии сюда определено быть имеет в Преображенской слободе... восемьдесят, в Предтеченской, что на Красном Яру при Кондурче тридцать, в Воскресенской слободе Ягодном тож осмнатцать человек, а зайсангом по новости их и до точного (на новых ли особливо для зюнгорских калмык во отмежевание будущих землях или обще с прежде поселенными низовыми калмыками быть имеют) определения о пристанище за лутшее признаваю иметь при Ставрополе, где как на зимнее время квартирами снабдены быть, так и содержанию своему лутшее удовольствие иметь могут, а к поселению оных зюнгорских калмык особыми двумя ротами, осмотра через нарочно посыланных, где удобнее и угодыми довольнее мест явиться, о том впредь Вашему высокопревосходительству донести не премину, а для вышеозначенного владельца и протчих с ним здесь будущих к зиме квартиры ис прежде для калмыцких же старшин построенных домов приготовлены быть имеют...» [Волжские 2011: 225, 226].

Особо комендант оговаривал нормы денежных выдач хозяйственного назначения. Он напоминал, что выплаты установлены в 1737–1740 гг. для первых калмыцких поселенцев. В 1746 г., когда готовились к тому, что в Ставрополь приедет знатная калмычка Тютюря, дочь нойона Галдан Данжина и внучка ханши Дарма Балы, они были подтверждены, причем по прибытии, после крещения сама владелица получила дополнительно 50 руб., ее же спутникам ординарную сумму выдавали дважды — перед отправкой и на месте.

В дальнейшем, продолжал Б. Останков, размер выдачи изменился — за крещение в Ставрополе калмыкам причиталось по 1 руб. 50 коп. на человека. Комендант предлагал вернуть прежний порядок и вести денежную выдачу из расчета на семью, что с хозяйственной точки зрения представлялось ему более полезным: «...что же касается до вышеобъявленных ныне выходящих в подданство е. и. в. и во святое крещение приходящих зюнгорских калмыках, дабы они в здешних местах по новости своей могли чем себя содержать и впредь к лутшему состоянию скотом и протчим имуществом обзавестись, того для слабейшее мое мнение покорно представляю, не повелено ль будет при оном их первом приходе награждение учинить против того ж, как и вол[ж]ским производилось, незначитая, что им кормовые деньги до Ставрополя даются владельцу до пятидесят, зайсангам лутшим по дватцети, протчим по десяти, редовым по пяти рублей на семью, а холостым зайсангам и редовым против того вполы...» [Волжские 2011: 228, 229].

В результате «джунгарского призыва» в войско зачислили 2 961 чел. [Калмыки 2010: 52]. Это меньше, нежели вышло из Сибири: сказалась смертность в пути [Русско-джунгарские отношения 2006: 224]. Но в целом надежды И. И. Неплюева оправдались. К концу 1750-х гг. действительно удалось нарастить строевой состав войска: с учетом джунгарского пополнения в нем тогда насчитывалось более 11,5 тыс. калмыков [Калмыки 2010: 56]. Побег, разумеется, продолжались, но и в 1760-е гг. войско, усиленное тремя (вместо ранее предполагавшихся двух) ротами джунгар, держало состав порядка 8 тыс. чел. Наверху считали, что этого достаточно для выполнения текущих задач [ПСЗ 1830, Т. 17: 14; Волжские 2011: 236].

«Джунгарский» прирост ставропольцев вновь рождал на рубеже 1750–1760-х гг. у начальства соблазн перевести часть из них на постоянную службу под Оренбург, усилив тем самым первый пограничный эшелон. В указе Сената от 8 декабря 1765 г. губернатору А. А. Путятину отмечалось, что ставропольские калмыки идеально приспособлены «ко употреблению их по легкости в нужных и необходимых случаях против степных пограничных народов, к чему напротив того регулярныя люди не могут быть способны..., а тамошния линии всегдашней предосторожности требуют от степных и лехкомысленных народов...», и на новом месте ставропольцы также проявят себя с наилучшей стороны [Волжские 2011: 236, 237]. Военная коллегия делала оговорку: переводить можно «из находящихся тамо старых Калмык, кои не из Зюнгорцов и в Киргиз Кайсаках не бывали, но из Волских крещеных...», то есть давно живущих и обзаведшихся скотом, дабы переселение не вредило их имущественному положению и, соответственно, не создавало помех в службе [ПСЗ 1830, Т. 17: 14].

Однако допустить из-за переводов под Оренбург откат в вопросе о численности корпуса верховная власть не желала, осознавая его военное значение. Указ Сената содержал прямое предписание губернатору: Ставропольское войско нельзя сокращать переводами в другие места безоглядно, ибо «великая убавка людей из Ставрополя полезною быть не может, по последующей от того тамошним местам пустоте, и по пресечению способов к употреблению из живущих тамо ныне калмык для службы е. и. в. и знатным числом во все стороны, куда нужда впредь востребовала б...» [Волжские 2011: 237, 238]. Невозможно

было сбросить со счетов и полицейский потенциал войска, ибо «и в последнее башкирское беспокойство калмыки оказали себя весьма отменным образом...» [Волжские 2011: 237].

Джунгарский «человеческий материал» корпуса в обоих аспектах заслуживал высокой оценки в рамках сложившейся региональной пограничной политики. И. И. Неплюев говорил об этом еще в 1755 г., до завершения натиска Цинов на Джунгарию: если и брать джунгар в подданство, то именно как контингент, пригодный для сдерживания казахов и отчасти башкир [Русско-джунгарские отношения 2006: 187].

Гибель Джунгарии в корне изменила положение в Степи и на степном российском рубеже. Она вынуждала местную военно-гражданскую администрацию выдерживать внешний военный приоритет, заботясь «о пользе и содержании в Оренбурге и на тамошних линиях крещеных калмык для употребления их в нужных случаях против пограничных народов, то есть киргис кайсак...» [Волжские 2011: 237].

Джунгарское пополнение, таким образом, оказалось на переднем крае малой пограничной войны, на протяжении нескольких десятилетий вызывавшей затем у властей опасения войны большой (имела ли место подобная угроза на самом деле — вопрос особый).

Джунгары калмыцкого корпуса в российско-цинском внешнеполитическом размене (современный историографический контекст). В литературе хорошо изучена геополитическая стратегия цинских правителей, полагавших Джунгарское ханство и подконтрольные ему территории сферой своего влияния, с XVII в. преследовавших цель подчинения джунгари обосновывавших ее всячески — и до, и после завоевания Джунгарии [Златкин 1983: 183–210, 283, 289; Perdue 2005: 240–289, 470–481].

Новейшие труды подтверждают сложившийся подход [Ануфриев 2013: 153–155; Базаров, Хишигжаргал 2016: 182, 183]. В исследованиях также показано: политико-дипломатическая линия Цинов аккумулировала практики, ранее апробированные в отношении монголов и призванные создать у ойратской знати восприятие цинского двора как единственного политического центра, цинской монархии — как монархии буддийской, приверженной ценностям школы Гелугпа [Гомбожапов 2015: 199–201; Гомбожапов 2016: 162–164; Китинов, Лю Цян: 2019: 52, 53].

Ныне твёрдо установлено, что в ходе покорения Джунгарии император Цяньлун не желал поголовного истребления ойратов, более того, его политика применительно к ним отличалась интегрисмом [Пастухов 2009: 25–28], удары же цинских войск обрушивались на тех, кто активно сопротивлялся или блокировался с лидерами сопротивления. В этом плане выход в Россию нойона Норбо Данжина, близкого родственника Амурсаны — главного врага Цинов с середины 1750-х гг., абсолютно понятен: ему, как и последнему джунгарскому правителю, некуда было деться, в других местах никто не мог помочь ему, не рискуя навлечь на себя китайскую карательную экспедицию.

В наши дни историография обладает вполне сформированной картиной покорения джунгар Цинами. В 1753–1754 гг. в преддверии нападения на Джунгарию китайские войска совершили ряд экспедиций на Алтай для принуждения к

подданству тамошнего населения. В 1755 г. удар обрушился непосредственно на Джунгарию, вновь затронув и Алтай [Модоров 2011: 160].

В конце 1756 г. Лифаньюань сообщил российской стороне о присоединении Джунгарии к Китаю, однако спорадические боевые действия продолжались. Наиболее мощные удары Цинов по Джунгарии пришлось на лето 1757 г. и лето – осень 1758 г. [Скобелев 2010: 229]. Каждый из этих ударов сопровождался туром дипломатических осложнений между Россией и Цинами. Более того, в 1758 г. Россия и Китай стояли на грани войны, из-за чего понадобилось срочно усиливать границу в Сибири войсками с Оренбургской линии [Пузанов 2017: 1189]. В этих условиях приезд Норбо Данжина в Ставрополь-на-Волге так и не состоялся.

Известно, что основную проблему в диалоге сторон составила судьба джунгар: Цины требовали их выдачи, проявляя особую непримиримость в том, что касалось Амурсаны и его людей. Российские власти в целом занимали половинчатую позицию, не желая конфликтовать с Китаем и рассчитывая перевести всех пришлых в Калмыцкое ханство. По этой причине гонцы наместника Дондук-Даши весной 1756 г. побывали на Алтае и в крепостях Южной Сибири, где скапливались беженцы из Джунгарии. Но призывы калмыцких посланцев вызвали недовольство искателей российской протекции, посему в мае – июне 1756 г. появились указы о разрешении выходцам пребывать в родных местах и о присоединении Горного Алтая к Российской империи [Модоров 2011: 161].

Что касается джунгар, то после уведомления Лифаньюаня 1756 г. они формально считались подданными Цинской империи, и их прием на российскую сторону, как и прием российских подданных Китаем, попал под запрет в силу прежних обоюдных обязательств. Прием джунгар-пленников, бежавших от казахов, вызывал недовольство и последних. Поэтому российские власти вели его исподволь на местах и тайком от соседей [Шишкина 2014: 208, 209].

Принципиальность российская дипломатия проявила лишь однажды, по соображениям престижа категорически отвергнув выдачу ойратских лидеров — Амурсану и Норбо Данжина, разбитых Цинами наголову летом 1757 г. и укрывшихся на российской территории со своими людьми. В этих условиях решение Норбо Данжина о крещении и службе в Ставропольском войске, подсказанное властями, на переговорах с цинскими представителями послужило дополнительным аргументом в пользу его невыдачи. На прием джунгар — цинских подданных власти пошли только в 1762 г., однако вели его без официального подтверждения [Шишкина 2014: 210].

Существенным вкладом новейшей литературы в изучение вопроса стало определение численности беглецов из Джунгарии в российских владениях до начала 60-х гг. XVIII в. Установлено, что речь может идти не более чем о 15–20 тыс. чел. Сюда включено до 4 тыс. ойратов, первоначально нашедших убежище в крепостях сибирских линий, затем сведенных в Бийск и в итоге осевших на Волге — в Калмыцком ханстве или Ставрополе [Скобелев 2010: 229]. Именно к ним и относились джунгары «особливой дирекции» И. И. Неплюева, фигурировавшие в переписке с Б. Останковым. Цифры свидетельствуют, что большинство джунгар, собранных в Сибири, предпочло крещение и службу именно в Ставрополе-на-Волге.

Для России гибель Джунгарии имела серьезные последствия. Вместе с кочевой империей рухнула пограничная система двоеданнычества, сложных балансов между ойратами и казахами, по возможности выстраивавшихся российской дипломатией, динамическое равновесие в контактной зоне на Алтае, где отсутствовала четкая граница, вспыхнула борьба кочевников за освобожденные земли [Моисеев 2000: 40; Боронин 2002: 149–159; Бобров, Соболева 2015: 35–37, 40; Юферова 2017: 161; Уметбаев, Дудникова 2015: 22, 23; Джунджужов, Любичанковский 2019: 502–506]. В российскую же повестку дня встало разграничение с цинским Китаем, вовлечение военно-гражданской администрации в казахские перипетии по всей длине степной юго-восточной границы, интеграция казахских жузов в структуру государства.

Заключение

Падение Джунгарии делало казахов степными гегемонами и увеличивало их соприкосновение с Оренбургской и сибирскими линиями. Власти отреагировали на создавшуюся ситуацию естественным в тех условиях способом — усилив границу. Но российской стороне предстояло сделать выводы после крушения ойратской державы.

В 1760-е гг. становилось очевидным, что вдоль российских границ от Синьцзяна до Черного моря возник протяженный тюрко-мусульманский массив, разрываемый лишь калмыцкими кочевьями. Этот массив имел стратегически обеспеченный тыл в Средней Азии и совокупно с ней трактовался Турцией в качестве сферы преобладания и исключительного геополитического преимущества. В период противостояния 70–80-х гг. XVIII в. с Россией, обернувшегося двумя русско-турецкими войнами, Османская империя активно пыталась его использовать.

Источники

- Волжские 2011 — Волжские ставропольские калмыки: середина 30-х гг. XVIII в. — первая половина XIX в. Документы и материалы. Т. 1. Ставропольское калмыцкое войско в середине 30-х — 60-е гг. XVIII в. Ростов н/Д.: Изд-во ЮНЦ РАН, 2011. 320 с.
- ПСЗ 1830 — Первое полное собрание законов Российской империи. СПб.: Тип. 2-го Отд-ния Собств. Е. И. В. канцелярии, 1830. Т. 17 (1765–1766). 1139 с.
- Русско-джунгарские отношения 2006 — Русско-джунгарские отношения (конец XVII — 60-е гг. XVIII вв.). Документы и извлечения. Барнаул: Азбука, 2006. 360 с.

Литература

- Ануфриев 2013 — *Ануфриев К. С.* Эволюция политики Цинского Китая в Центральной Азии // Вестник Томского государственного университета. История. 2013. № 1 (21). С. 153–157.
- Базаров, Хишигжаргал 2016 — *Базаров Б. В., Хишигжаргал Г.* Распад Монгольской империи и формирование династии Цин (XVII–XVIII вв.) // Власть. 2016. № 9. С. 178–184.
- Бобров, Соболева 2015 — *Бобров Д. С., Соболева Т. Н.* Государственная граница Российской империи в Верхнем Обь-Иртыше в первой половине XVIII в. // Известия Алтайского государственного университета. 2015. № 3–2 (87). С. 34–41.
- Боронин 2002 — *Боронин О. В.* Двоеданнычество в Сибири. XVII — 60-е гг. XIX в. Барнаул: Азбука, 2002. 217, [2] с.

- Гомбожапов 2015 — *Гомбожапов А. Д.* Политика империи Цин в Центральной Азии (историографический обзор) // *Власть*. 2015. № 6. С. 197–201.
- Гомбожапов 2016 — *Гомбожапов А. Д.* Историография пограничной политики империи Цин: особенности модели взаимодействия кочевой и оседлой государственности // *Власть*. 2016. № 5. С. 161–166.
- Джунджузов, Любичанковский 2019 — *Джунджузов С. В., Любичанковский С. В.* Влияние Русско-турецкой войны 1735–1739 гг. на выстраивание отношений империи с кочевыми народами Южного Урала и Центральной Азии (по материалам Оренбургской экспедиции) // *Вестник Российского университета дружбы народов*. Серия: История России. 2019. Т. 18. № 3. С. 494–524.
- Златкин 1983 — *Златкин И. Я.* История Джунгарского ханства. 1635–1758. М.: Наука, 1983. 332 с.
- Калмыки 2010 — *Калмыки*. М.: Наука, 2010. 568 с.
- Китинов, Лю Цян 2019 — *Китинов Б. У., Лю Цян*. Религия в ойратской политике династии Цин // *Вестник Российского университета дружбы народов*. Сер.: Всеобщая история. 2019. Т. 11. № 1. С. 44–55.
- Кортунов, Фокин 2012 — *Кортунов А. И., Фокин А. А.* Казаки-мусульмане на службе в казачьих войсках Урала (XVI–XIX вв.). Уфа: Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы, 2012. 113 с.
- Кузнецов 2009 — *Кузнецов В. А.* Новая Закамская линия и образование ландмилиции // *Известия Самарского научного центра РАН*. Тематич. вып. 2009. Т. 11. № 2 (28). С. 35–41.
- Модоров 2011 — *Модоров Н. С.* Из истории присоединения Южного Алтая к России в середине 50-х гг. XVIII в. // *Известия Алтайского государственного университета*. 2011. Вып. 4-2 (72). С. 159–166.
- Моисеев 2000 — *Моисеев В. А.* Джунгаро-казахские отношения в XVII–XVIII веках и политика России // *Вестник Евразии*. 2000. № 2. С. 22–41.
- Пастухов 2009 — *Пастухов А. М.* Ойратская политика Цянлуна // *Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН*. 2009. № 2. С. 19–29.
- Пузанов 2017 — *Пузанов В. Д.* Формирование и службы выписных казаков Сибири в XVIII в. // *Былые годы*. 2017. Т. 46. № 4. С. 1184–1193.
- Скобелев 2010 — *Скобелев С. Г.* Демографические последствия завоевания Джунгарии войсками империи Цин // *Вестник Новосибирского государственного университета*. 2010. Т. 9. Вып. 5: Археология и этнография. С. 219–235.
- Уметбаев, Дудникова 2015 — *Уметбаев Т. Ш., Дудникова А. В.* Две империи в начале борьбы за Центральную Азию // *Проблемы востоковедения*. 2015. № 1 (67). С. 19–26.
- Шишкина 2014 — *Шишкина (Ноздрина) И. А.* Проблема беженцев из Джунгарии в русско-китайских отношениях (конец 50-х – начало 60-х гг. XVIII в.) // *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики*. 2014. № 8 (46): в 2-х ч. Ч. II. С. 208–210.
- Юферова 2017 — *Юферова Н. С.* Причины образования и этапы заселения Иртышского десятиверстного пространства (XVIII в. – первая половина XIX в.) // *Известия Алтайского государственного университета*. 2017. № 2 (94). С. 159–163.
- Perdue 2005 — *Perdue P. C.* China marches West. The Qing conquest of Central Asia. Cambridge (Mass.); London: The Belkhar Press of the Harvard University Press, 2005. XX, 725, [2] p.

Sources

- First Complete Collection of Laws of the Russian Empire. St. Petersburg: Second Section of His Imperial Majesty's Own Chancellery, 1830. Vol. 17: 1765–1766. 1139 p. (In Russ.)
- Russian-Dzungar Relations: Late 17th c. – 1760s. Documents and Extracts. Barnaul: Azbuka, 2006. 360 p. (In Russ.)
- Volga Stavropol Kalmyks: Mid-1730s – 1850s. Documents and Materials. Vol. 1: Stavropol Kalmyk Host Mid-1730s – 1760s. Rostov-on-Don: Southern Scientific Center of RAS, 2011. 320 p. (In Russ.)

References

- Anufriev K. S. Development of China's Qing Dynasty policy in Central Asia. *Tomsk State University Journal of History*. 2013. No. 1 (21). Pp. 153–157. (In Russ.)
- Bakaeva E. P., Zhukovskaya N. L. (eds.) The Kalmyks. Moscow: Nauka, 2010. 568 p. (In Russ.)
- Bazarov B. V., Khishigzhargal G. The decay of the Mongol Empire and formation of the Qing Dynasty (17th–18th centuries). *Vlast' (The Authority)*. 2016. No. 9. Pp. 178–184. (In Russ.)
- Bobrov D. S., Soboleva T. N. The state border in the Upper Ob-Irtysh area of the Russian Empire in the first half of the XVIII century. *Izvestiya of Altai State University*. 2015. No. 3–2 (87). Pp. 34–41. (In Russ.)
- Boronin O. V. Double Tributarieness in Siberia: 17th century – 1860s. Barnaul: Azbuka, 2002. 217 p. (In Russ.)
- Dzhundzhuzov S. V., Lyubichankovsky S. V. Impact of the Russo-Turkish War of 1735–1739 on the construction of relations between the Russian Empire and nomadic peoples of the Southern Urals and Central Asia (based on materials from Orenburg expedition). *RUDN Journal of Russian History*. 2019. Vol. 18. No. 3. Pp. 494–524. (In Russ.)
- Gombozhapov A. D. Frontier policy of the Qing Empire: peculiarities of the model of nomadic and settled statesmanship. *Vlast' (The Authority)*. 2016. No. 5. Pp. 161–166. (In Russ.)
- Gombozhapov A. D. Policy of the Qing Empire in Central Asia (historiographical review). *Vlast' (The Authority)*. 2015. No. 6. Pp. 197–201. (In Russ.)
- Kitinov B. U., Liu Qiang. Religion in Oirat Qing Dynasty politics. *RUDN Journal of World History*. 2019. Vol. 11. No. 1. Pp. 44–55. (In Russ.)
- Kortunov A. I., Fokin A. A. Muslims in Cossack Hosts of the Urals: 16th – 19th Centuries. Ufa: Akmulla Bashkir State Pedagogical University, 2012. 113 p. (In Russ.)
- Kuznetsov V. A. The new Trans-Kama Line and the formation of the land militia. *Izvestia of Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences*. 2009. Vol. 11. No. 2 (28). Pp. 35–41. (In Russ.)
- Modorov N. S. From the history of annexing Southern Altai to Russia in the middle of 50s of the XVIII century. *Izvestiya of Altai State University*. 2011. No.4-2 (72). Pp. 159–166. (In Russ.)
- Moiseev V. A. Dzungar-Kazakh relations in the 17th – 18th centuries and Russia's policy. *Vestnik Evrazii*. 2000. No. 2. Pp. 22–41. (In Russ.)
- Pastukhov A. M. Qianlong's Oirat policy. *Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities of the RAS (Oriental Studies)*. 2009. No. 2. Pp. 19–29. (In Russ.)
- Perdue P. C. China Marches West: The Qing Conquest of Central Asia. London: The Belkhar Press of the Harvard University Press, 2005. XX, 725 p. (In Eng.)
- Puzanov V. D. The formation and discharge service of the Cossacks of Siberia in the XVIII century. *Bylye Gody*. 2017. Vol. 46. No. 4. Pp. 1184–1193. (In Russ.)
- Shishkina (Nozdrina) I. A. Problem of refugees from Dzungaria in the Russian-Chinese relations (the end of the 50s – the beginning of the 60s of the XVIII century). *Historical,*

- Philosophical, Political and Law Sciences, Culturology and Study of Art. Issues of Theory and Practice*. 2014. No. 8 (46): in 2 parts. Part II. Pp. 208–210. (In Russ.)
- Skobelev S. G. Demographic consequences of a gain of Jungaria by armies of Empire Qing. *Novosibirsk State University Bulletin*. 2010. Vol. 9. No. 5: Archaeology and Ethnography. Pp. 219–235. (In Russ.)
- Umetbaev T. Sh., Dudnikova A. V. Two empires in the beginning of the battle for Central Asia (concerning some issues in Russian-Chinese relations in the 18th century after the collapse of the Dzungar Khanate). *The Problems of Oriental Studies*. 2015. No. 1 (67). Pp. 19–26. (In Russ.)
- Yuferova N. S. The reasons for formation and stages of settling of the Irtysh ten verst space (the 18th – the first half of the 19th centuries). *Izvestiya of Altai State University*. 2017. No. 2 (94). Pp. 159–163. (In Russ.)
- Zlatkin I. Ya. History of the Dzungar Khanate: 1635–1758. Moscow: Nauka, 1983. 332 p. (In Russ.)